

УДК 81-13
ББК 81.006
DOI 10.30982/2077-5911-2022-53-3-74-88

Научная статья

**СТАТУС ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ:
ПРИНЦИПЫ И ИНСТРУМЕНТЫ КОНСТИТУИРОВАНИЯ
ИДИОЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ**

Боженкова Наталья Александровна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

Катышев Павел Алексеевич

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

Иванов Петр Константинович

Государственное бюджетное учреждение г. Москвы
«Московский исследовательский центр», Москва, Россия

Аннотация

В статье предлагается сопоставительное описание характерологических признаков вербального поведения носителей русского языка как родного и иностранного. Исследовательская позиция авторов базируется на системном анализе типичных коммуникативных (в широком смысле) нарушений, который учитывает как степень отклонения от кодифицированного языкового варианта и/или целесообразного речеупотребления (в случае с носителями русского языка), так и характер интерферирующего влияния иной языковой системы и уровень освоения русского литературного языка (в случае с носителями другого языка).

Особое внимание отводится описанию этапов автороведческого исследования как системного инструмента определения статуса языковой личности и ее принадлежности к той или иной лингвокультуре. В результате анализа выборки, которую составили тексты носителей 8 языков, выделен ряд диагностических признаков, указывающих на то, что автор речевого продукта является инофоном. Показано, что поиск таких закономерностей в нарушениях коммуникативного навыка, с одной стороны, должен учитывать сами типологические особенности русского языка, с другой – опираться на сопоставительный анализ двух языковых систем, неизбежно вступающих во взаимодействие в сознании автора.

Описанные принципы характеристики категориальной природы типичных ошибок в письменной речи носителей русского языка и интерференционных речевых нарушений инофонов позволяют установить связь между индивидуальностью текста и этносоциокультурной средой, которой принадлежит его автор. Доказано, что закономерности, выявляемые в нестандартности индивидуального языкового навыка, характеризуют его как структуру, последовательно воспринимающую генетические связи и синхронические отличия языков, а также отражающую процесс становления навыка в естественной и / или специально сформированной (образовательной) среде.

Ключевые слова: языковая личность, русский язык как родной, русский язык как иностранный, языковые / речевые нарушения, интерференция, автороведение, диагностика

Введение

Язык, как известно, будучи хранителем и транслятором историко-культурных традиций любого этноса и одновременно маркером принадлежности его носителя к определенной социальной общности или же отграничения от таковой, оказывается интегральной категорией, связывающей науку о человеке. Неслучайно *язык, сознание, коммуникация и культура* в целом все чаще рассматриваются как неразрывные и в то же время неслиянные составляющие единого комплекса: язык сегодня – и носитель сознания, и субъект коммуникации, и формант культуры, и (в определенной мере) член общества [Тарасов 2021: 173].

Данный ракурс стал отправной точкой переключения интереса ученых с *объекта* познания на *субъект* (фиксации внимания на личности говорящего с его языковыми, ментальными, поведенческими особенностями и идионациональной картиной мира)¹ и «стимулировал» развитие многочисленных научных направлений XX–XXI вв. (от когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, лингвоперсонологии до прагмалингвистики, юрислингвистики и теории лингвистической экспертизы), что обусловило формирование и «цементирование» междисциплинарного исследовательского поля, в основе которого лежит феномен *языковой личности* (ЯЛ)².

Категориальный статус ЯЛ³ позволяет рассматривать субъекта речи в единстве *универсального, идиоэтнического и индивидуального*, где первое – наличие коммуникативной способности, второе – этномаркированный опыт овладения системой языка как способа концептуализации мира, третье – сформированность определенного уровня языковой (в широком смысле) компетентности⁴, в совокупности обуславливающих когнитивно-коммуникативные механизмы текстообразования как в устной, так и в письменной форме.

Носитель русского языка как родного (ЯЛ РКР) с момента рождения включен в социокультурное пространство, где *первым* и *основным* способом категоризации и вербализации когнитивной картины мира является *русский язык*. Соответственно, все типологические особенности русской языковой системы усваиваются им латентно, без рефлексии необходимых мотивирующих принципов организации языковых единиц любого яруса, при этом совокупность *дискурсивных способностей* ЯЛРКР (ориентировка и планирование речевых действий, выбор определенной вербальной формы, контроль

¹ В этой связи Н.Н. Вольский утверждал, что «главный путь изучения человека – изучение человеческого языка» [Вольский 2004: 16].

² См. работы С.Г. Воркачева, Г.И. Богина, Й.Л. Вайсгербера, В.В. Виноградова, Е.А. Земской, В.И. Карасика, Ю.Н. Караулова, Е.С. Кубряковой, Л.П. Крысина, А.А. Леонтьева, З.Д. Поповой, Ю.Е. Прохорова, О.Б. Сиrotининой, И.А. Стернина, И.П. Сусова, А.М. Шахнаровича и мн. др.

³ Выделим две базисные для данного утверждения работы: [Богин 1982], [Караулов 1987].

⁴ Напомним, что понятие языковой компетенции было введено Н. Хомским, назвавшим языковые умения говорящего «*linguistic competence*» [Хомский 1972], и развито в дальнейшем Д. Хаймсом, предложившим термин коммуникативная компетенция («*communicative competence*»), которая предполагает овладение системой использования языка в зависимости от отношений между говорящими, места и целей высказывания, способов и каналов коммуницирования и др. [Hymes 1972]. А.П. Сковородников разграничил смежные дефиниции – компетенцию как конструктор (модель), обозначающую совокупность знаний, умений и навыков, овладение которыми обеспечивает эффективность деятельности в какой-либо области, и компетентность как степень (уровень) владения какой-либо компетенцией [Сковородников, Копнина 2009: 7].

и корректировка реализованных речевых действий) и степень эффективности их реализации напрямую зависят от уровня субъект-субъектного взаимодействия и конфигурации социетального пространства, где формируется (как в динамике, так и в статике) настоящая ЯЛРКР. Иначе – русскоязычный лингвокультурный универсум, с одной стороны, *стимулирует* развитие языковой компетентности субъекта речи – ЯЛРКР, с другой же – *ограничивает* его определенными институциональными рамками, детерминированными кодифицированностью / некодифицированностью различных языковых вариантов и соответствием / несоответствием параметрам конкретной коммуникативной интеракции.

В этой связи содержательная «устроенность» языковой компетенции ЯЛРКР описывается учеными по-разному. Так, Ю.Д. Апресян выделил следующие ее составляющие: (1) способность к перефразированию; (2) способность различать и находить синонимичные высказывания; (3) способность отличать правильные высказывания от неправильных; (4) способность выбирать средства выражения мысли в соответствии с социальными, территориальными и другими особенностями ситуации общения с учетом личностных характеристик ее участников [Апресян 74: 124]. Л.П. Крысин предложил разграничивать четыре уровня владения языком: (1) собственно-лингвистический уровень, который «отражает свободное “манипулирование” языком безотносительно к характеру его использования в тех или иных сферах человеческой деятельности»; (2) национально-культурный уровень, который отражает «владение национально обусловленной спецификой использования языковых средств»; (3) энциклопедический уровень, который отражает «владение не только словом, но и “миром слова”, то есть теми реалиями, которые стоят за словом, и связями между этими реалиями»; (4) ситуативный уровень, который отражает «умение применять языковые знания и способности сообразно с ситуацией» [Крысин 1994: 68].

Очевидна корреляция уровневого и компетентностного членения: собственно лингвистический уровень является отражением языковой компетенции, энциклопедический – отражением языкового сознания, ситуативный – отражением коммуникативной компетенции. Что касается национально-культурного уровня, то он, вероятно, представляет собой составную часть как языкового сознания, так и языковой и коммуникативной компетенций, при этом наиболее значимыми для коммуникативной компетенции ЯЛРКР следует признать три компонента – (1) словесный репертуар, (2) языковые шаблоны и (3) навыки продуцирования различных по жанру текстов в рамках действующих в русской национальной культуре правил коммуникативного поведения.

В ситуации же с ЯЛ инофона (ЯЛРКИ), для которой русский язык является вторичным, *освоенным* (а не усвоенным), характеристика специфики ее организации опирается на лингводидактическую трактовку коммуникативной компетенции, понимаемой как «выбор и реализация программ речевого поведения в зависимости от способности человека ориентироваться в той или иной обстановке общения; умение классифицировать ситуации в зависимости от темы, задач, коммуникативных установок, возникающих у учеников до беседы, а также во время беседы в процессе взаимной адаптации» [Вятютнев 1984: 38] / «способность средствами иностранного языка осуществлять речевую деятельность на основе языковых, социолингвистических знаний в соответствии с целями, задачами и ситуацией общения в рамках определенной

сферы деятельности» [Балыхина 2003: 154] и организованной в определенную шестиуровневую параметрическую систему⁵.

Базовыми компонентами коммуникативной компетенции⁶ ЯЛРКИ являются *языковая* (лингвистическая) и *речевая* компетенции: первая рассматривается как совокупность знаний об отдельных уровнях языка, а также «способность человека правильно конструировать грамматические формы и синтаксические построения в соответствии с нормами конкретного языка» [Гальскова, Гез 2006: 98]; вторая «предполагает знание способов выражения мыслей с помощью средств языка, что обеспечивает возможность организовать и осуществить речевое действие (реализовать коммуникативное намерение) и тем самым понимать мысли других людей и выражать собственные в устной и письменной форме в различных ситуациях общения» [Щукин 2008: 18]. Соответственно, на этом уровне система языковых средств рассматривается как инструмент, используемый в межличностном общении для кодирования и декодирования содержания сообщений в зависимости от контекста и конситуации, т.е. от того, кем именно являются участники речевого акта, какие дискурсивные рамки характеризуют интеракцию, какие интенции выражают говорящие⁷ и др.

Фиксация внимания ученых на *способности / возможности* ЯЛРКИ осуществлять речевую деятельность на неродном для нее языке, безусловно, связана с явлением межъязыковой интерференции⁸, понимаемой в традиционном варианте как «тормозящее воздействие навыков, при котором уже сложившиеся навыки затрудняют образование новых, либо снижают их эффективность» [Рогозная 2003: 89]. Отметим,

⁵ В Европе поиск универсальных критериев, позволяющих единообразно оценивать языковые компетенции, был официально начат в 1970-х гг. в рамках деятельности Совета по культурному сотрудничеству при Совете Европы. Наиболее активная его фаза пришлась на конец 1980-х – 1990-е гг., когда на базе Кембриджского университета и Университета Саламанки в 1989 г. была создана Европейская ассоциация экзаменационных советов по иностранным языкам (ALTE), задачей которой «являлось приведение методик тестирования к единому стандарту» [Маркевич 2020: 382]. Итоги тридцатилетней работы были изложены в монографии «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка» (CEFR от англ. Common European Framework of Reference), опубликованной на французском и английском языках в 2001 г. и переведенной на русский в 2003 г. [Общеввропейские ... 2003]. В издании подробно представляются принципы языковой политики европейских государств, теоретическое обоснование разработанной методики оценки, способы организации системы дескрипторов, рекомендуемые Ассоциацией для формирования национальных стандартов владения языком как иностранным. В России формирование аналогичного подхода к оценке языковых компетенций также относится к 1990-м гг.: в 1992 г. научно-методическое объединение впервые представило Российскую государственную систему тестирования иностранных граждан по русскому языку как иностранному (ТРКИ). Изначально существовавшая лишь в качестве национально ориентированного стандарта, впоследствии она была приведена в соответствие требованиям CEFR, а в 2000-е гг. закреплена на законодательном уровне.

⁶ Другие компоненты коммуникативной компетенции (социолингвистическая, дискурсивная, социокультурная, стратегическая компетенции) в меньшей степени обуславливаются собственно системой языка. Кроме того, некоторые исследователи выделяют прагматическую, социальную, предметную, профессиональную и иные частные разновидности компетенций.

⁷ Такое понимание соответствует исходной традиции генеративистов, по мнению которых языковая компетенция – это именно способность производить неограниченное число одноструктурных высказываний, тогда как собственно речевая деятельность (использование языка) и значимые для нее социолингвистические параметры объединяются в понятие речевой компетенции.

⁸ Отметим, что, вопреки общеправящему мнению, данный термин начал систематически употребляться еще в статьях членов Пражского лингвистического кружка, посвященных соотношению фонологических систем различных языков мира, однако закрепился в науке после публикации в 1953 г. труда У. Вайнрайха «Языковые контакты».

однако, определенный недостаток такой дефиниции, поскольку данная трактовка может описывать не только межъязыковое взаимодействие, но и случаи искажения нормативного словоупотребления, возникающие под влиянием различных аспектов «однокодовой» языковой системы в случае недостаточности знаний о ней (в частности, один из вариантов такого механизма лежит в основе процесса освоения первого языка ребенком). Неслучайно сегодня в науке все активнее говорят о феномене *интерязыка*, который «формируется на базе первичной лингвистической системы (родной), впитывая в себя элементы другого (изучаемого) языка и раздвигая его границы» [Там же: 17]. Несомненно, формирование интерязыка является частью длительного онтогенетического развития, в силу чего носит сугубо индивидуальный характер: «Развитие лингвистической системы взрослых, изучающих иностранный язык, отличается от опыта развития языка ребенка и познающего родную речь: сущность детского языка – окказиональный подход с тенденцией к унификации языковых элементов, специфические особенности речи взрослого иностранца – редуктивность с тенденцией к транспозиции» [Там же: 51].

Конечным продуктом интерференции, как следует из вышесказанного, является «отклонение от нормы»⁹ (в данном случае имеется в виду языковая норма, включающая в себя все узуальные языковые единицы и их сочетания вне зависимости от внутриязыковой дифференциации: стилистической, орфографической, орфоэпической и т.п.), или ошибка, описываемая в лингвистическом аспекте как «функциональное нарушение речевых отрезков, влекущее за собой искаженное представление об объекте познания (языке)» [Там же: 62].

Соответственно, содержание и иерархическая устроенность коммуникативной компетенции ЯЛРКР и ЯЛРКИ, равно как и ее недостаточная сформированность / несформированность, обуславливающая появление типичных языковых / речевых нарушений, имеют различную категориальную природу. В первом случае система «отклонений» от кодифицированной русской речи явно коррелирует с принадлежностью ЯЛРКР к определенному типу речевой культуры (элитарному, литературному, среднелитературному, литературно-разговорному, просторечно-разговорному), а причины и механизмы ее формирования объясняются как сложностью некоторых закономерностей русской орфографии / пунктуации / культуры речи (где возможно вариативное толкование семантики языкового знака и / или грамматической позиции), так и недостаточностью ортологических знаний и речевых навыков / умений (в том числе – выбирать коммуникативные средства адекватно времени / месту общения и выявлять имплицитные смыслы в коммуникации), неразвитостью лексического и грамматического строя, отсутствием навыка речевой / постречевой рефлексии и низким уровнем когнитивно-коммуникативной деятельности в целом. Во втором же – детерминирована «неравным» взаимодействием двух или нескольких языковых систем в сознании индивида (в том числе на довербальном уровне) и эксплицируется в процессе речепорождения на этапе лексическо-грамматического развертывания¹⁰.

⁹ Отметим в этой связи точку зрения Ю. А. Жлуктенко: интерференция – это «все изменения в структуре языка, а также в значениях, свойствах и составе его единиц, возникающие вследствие взаимодействия с языком, находящимся с ним в контактной межъязыковой связи» (цит. по [Игнатъева, 2016: 20–21]).

¹⁰ См. модели порождения высказывания, предложенные отечественными психолингвистами (А.А. Леонтьевым, Т.В. Рябовой, А.Р. Лурия).

Соответственно, *характер ошибки* (и частотность ее проявления) является значимым показателем при конституировании статуса ЯЛ как ЯЛРКР /ЯЛРКИ, поскольку маркирует не только уникальность субъекта речи, обусловленную длительным онтогенетическим развитием (в том числе в иной языковой среде), но и закономерности «переноса» типологических признаков родной языковой системы на вторую, менее устоявшуюся в сознании индивида, тем самым оказывается диагностическим признаком при проведении автороведческого исследования.

Дискуссия

Автороведческое исследование, будучи сложным процессуальным действием, решающим комплекс идентификационных и диагностических задач (стандартных / нестандартных) и направленным на выявление социально-биографических и идиоэтнических характеристик автора определенного речевого продукта, базируется на многофокусном анализе составленного им текста [Щирова, Гурочкина 2022: 52] как сложного структурного образования, отражающего закономерности взаимодействия его элементов.

Наиболее интересным в этом процессе (и, бесспорно, самым творческим звеном) является выявление комплекса коммуникативных (в широком смысле) нарушений, которые *однозначно* отличают речь инофона от речи носителя русского языка как родного. В данной ситуации целью исследования является поиск речевых «отклонений», которые частотны в текстах иностранцев и квалификативно невозможны для русскоязычных в силу различной природы ошибок, встречающихся у этих двух типов субъектов речи. Так, у ЯЛРКР трудности вызывают, как правило, случаи несовпадения звукового облика слова с его графическим отражением, а также нормативные варианты, обусловленные историей развития языка и плохо объяснимые с точки зрения его современного состояния, при этом универсальные принципы языка и письменности применяются ЯЛРКР интуитивно, а большая часть многообразной системы языковых единиц и их форм, закономерностей грамматики и словообразования усвоены и закреплены еще в детстве. В речи ЯЛРКИ, напротив, преобладают нарушения, связанные с неясным представлением об устроенности системы языка (и потому не объяснимые с точки зрения ее организации), что дает основания эксперту рассматривать явление интерференции как отклонение от нормы – ошибку, обусловленную *вероятным* влиянием той или иной системы родного языка субъекта речи.

В рамках такого исследования специалистам необходимо решить ряд вопросов¹¹: (1) является ли русский язык родным для автора текста? (2) имеются ли в предоставленном тексте признаки иноязычия? (3) на каком уровне автор текста владеет русским языком? (4) если русский язык не является родным для автора текста, то носителем какого языка он может являться? (5) владеет ли автор текста русским языком в достаточной мере, чтобы понимать речь носителей этого языка?

В этой связи экспертно-исследовательская деятельность разбивается (условно) на пять этапов.

¹¹ Диагностическое исследование по указанным вопросам проводится методами лингвистического анализа с опорой на следующий ряд процедур – описание, классификация, анализ, объяснение, оценка. Подчеркнем, что применение этих процедур не носит строго последовательный характер, и эвристический потенциал каждой из них может быть использован на любом этапе, однако каждая из них должна быть целенаправленно задействована специалистом при анализе материала.

Первый этап диагностической стадии исследования связан преимущественно с описанием объекта. Цель данной процедуры состоит в формировании общего представления об исследуемом тексте, поиске в нем содержательно неполных / неясных / двусмысленных фрагментов, установлении основных элементов его содержания – тематического (пропозициональный уровень текста) и интенционального (интенциональный уровень текста) наполнения, в основе чего лежат классические методы и приемы лингвистического анализа. Результатом этапа становится краткая характеристика текста с точки зрения указанных параметров¹²:

Текст представляет собой отзыв о музыкальном спектакле (мюзикле) «Анна Каренина» (ср. *Спектакль “Анна Каренина” идет в театре оперетты; Так как эти сюжеты не походят формы выступления мюзикла*)¹³. Будучи созданным с опорой на определенный речевой жанр, исследуемый материал воплощает сложное коммуникативное намерение субъекта речи, основными компонентами которого выступают следующие интенции:

– информирование адресата о театральном событии (*Спектакль “Анна Каренина” идет в театре оперетты*);

– информирование адресата о впечатлениях субъекта речи, полученных им при посещении театра (*Ангел пел песню над светлым небом и все восприятия были психоделическими*);

– информирование адресата о ходе театрального действия (*Весь спектакль начался в вокзале и же кончился там; С другой стороны, вообще директор исчез статические сюжеты история, в том числе кое-кто идет к юристу для консультации, и как их семейные драмы идут*);

– оценка постановки спектакля (*Тем не менее, я считаю, что чрезмерные анимации и интенсивные прожекторы вызывают то, как зрителя отвлекают от артистов*);

– информирование адресата о выводах, к которым автор пришел в результате анализа идейно-тематического содержания произведения (*Эта история покажет нам то, как хотя мы желаем что-то, потом мы обладаем чем-то, мы не почувствуем удовольствие*).

В тексте имеется два содержательно неясных фрагмента, тематический и интенциональный анализ которых не представляется возможным (*Тогда хотя Анна уже умерла, в конце истории печальное впечатление остается живыми людьми и вокзал еще навечно существует; Обладая желаниями, мы бросим свойственных любых мыслей*).

Результаты, полученные в ходе применения процедуры описания, имеют значение как для ответа на вопрос о степени владения русским языком как иностранным (умение создавать коммуникативно успешные тексты с опорой на определенные речевые жанры выступает одним из основных критериев оценки коммуникативной компетентности), так и для всего последующего исследования материала.

¹² Здесь и далее описание каждой исследовательской процедуры иллюстрируется примерами анализа. В качестве материала для анализа выступили тексты, рассмотренные авторами ранее в рамках практики автороведческого сопровождения правоприменительной деятельности. В связи с наличием в действующем законодательстве ограничений на разглашение определенных категорий данных, не представляется возможным привести в настоящей статье полные сведения о происхождении данного материала.

¹³ Здесь и далее цитирование (выделено курсивом) выполнено в полном соответствии с оригиналом.

Второй этап характеризуется применением процедуры классификации: целью является выявление и классификация структурно-языковых нарушений (ошибок), его результатом – их перечень, представленный в соответствии с четырьмя основными языковыми уровнями: фонетическим, грамматическим (морфологическим и синтаксическим), словообразовательным и лексическим, при этом добавляется пятый уровень, где выявляются нарушения, связанные с закономерностями русской письменности – орфографические и пунктуационные ошибки:

Текст, представленный для анализа, демонстрирует сниженный уровень языковой компетентности автора, что проявляется в отдельных структурно-языковых нарушениях:

– ошибки в структуре слова (*Знаеиш; Отходники; Вобщее; пара хода; довать; толька; отрафировалсь; из_за; не_возможно; Толька; списыватся; согласин; бес семтомоа; не_чего; проста; не_кто; стораюсь; По_быстрой; по_легче; будит; карочи; семтомы*);

– ошибки в структуре простого предложения (*Кто в больнице лежат*).

В целом текст характеризуется эллиптичностью синтаксических конструкций, свойственных устной разговорной речи (*С толька прочитал мышцы отрафировалсь вот из за этого и болят; Да тут это не возможно / Только если списываться/ А еще рейс не начался; У всех такая фигнч / Кто в больнице лежат/ Сквозь боль работают; А кто был бес семптомоа те вобщее нормально / Нам только не повезло; По быстрой все отмыть там по легче будит* и др.).

Классификация структурно-языковых нарушений выступает основой для дальнейшего анализа их на предмет вероятного соответствия / несоответствия типологическим особенностям русского языка.

Третий этап, в ходе которого задействуется, главным образом, процедура анализа, является центральным для исследования материала с точки зрения того, является ли его автор носителем русского языка как родного или иностранного. Содержание данного этапа исследования включает в себя два основных модуля.

В рамках первого модуля осуществляется *квалификация* выявленных структурно-языковых нарушений и нарушений закономерностей письменности в аспекте их допустимости/ недопустимости с точки зрения типологических особенностей русского языка, что характеризует субъекта речи как ЯЛРКР / ЯЛРКИ (например, исследователь выясняет, является ли нахождение частицы *же* в препозиции по отношению к семантически связанному с ней слову (*же так*) типичным свойством русского языка). Наиболее диагностически значимыми нарушениями являются те, которые связаны с реализацией нормативных грамматических закономерностей и лексических свойств языковых единиц (см. фрагмент разбора кейса 2):

Представленный на исследование текст демонстрирует *вариативность* письменного проявления языкового навыка автора, что выражается в следующих нарушениях:

– непоследовательность в словоизменении (*ВИПУСТЕТ ОБРАЩЕНЯ – чтоб услышели обращений – ЛИБО ОБРАЩЕНИЙ – ЛИБО ОБРАШЕНИ – ОНА НАМ СКИНЕТ НОВЫЙ ОБРАШЕНИ*; *здесь не блокиревают – патом кафери блокировали*);

– правописание безударной гласной в основе слова: (*ЛИБО – ЛИБА; ЗАБЛАКИРОВАЛИ – блокировали; ДОЛЖНО – далжно*);

– правописание суффикса инфинитива: (*ОБЕШАЛИ ВПУСТИТ – чтоб открить – можна так открит*);

– согласование прилагательного с определяемым существительным по роду (*открыть новый телеграм – открыт новую телеграм*).

Отдельного внимания заслуживают признаки неразличения палатализованных/ непалатализованных согласных (*ДОЛЖНО БИТЬ; услышели; должно было вийте; ВИПУСТЕТ; ОБРАШЕНЯ; ОБЕШАЛИ; открыть; НОВИЙ; открыт*) и устойчивость их графической фиксации, а также значительное искажение фонетического облика заимствованного слова (*акунт*), свойственные инофонам.

В совокупности данные нарушения указывают на несформированность письменной языковой компетентности автора и наличие признаков иноязычия в тексте.

Во втором модуле выполняется сравнение выявленных нарушений с перечнем типичных ошибок¹⁴:

Представленный на исследование текст демонстрирует вариативность коммуникативной компетентности автора, что выражается в следующих нарушениях:

– ошибка в образовании страдательного причастия настоящего времени **выдержимо* (стандартно данные причастия образуются от переходных глаголов несовершенного вида);

– ошибки в выборе лексем, а именно: употребление существительного *пессимист* в значении показателя состояния (*Извини, что я опять пессимист, но я очень переживаю*); смешение паронимов, вследствие чего остается незаполненной обязательная валентность выбранной лексики (*Я слушала, что даже почта наша *** не работает с связи с Россией*); смешение союзов (*Конечно, чем нужно этот ресторан*).

– ошибка в координации главных членов предложения: *Конечно, чем нужно этот ресторан;*

– ошибки в порядке слов, а именно: инверсия, нарушающая темарематическое членение высказывания (*Но там работали люди у которых семья есть ...*); употребление наречия *ещё* в контактной позиции с несколькими словами, способными заполнить его обязательную валентность, что приводит к формированию двусмысленности высказывания (*Я надеюсь, что когда-то будет еще лучше*).

В совокупности данные нарушения указывают на «нестабильность» в ряде случаев письменной языковой компетентности автора, снижение когнитивных механизмов контроля над письменной речью в результате интерферирующего влияния другой языковой системы, что определяет наличие признаков иноязычия в тексте.

Четвертый этап связан с процедурой объяснения, позволяющей диагностировать вероятный источник интерференции. Наличие структурно-языковых нарушений, не объяснимых с точки зрения русского языка, дает основание для утверждения гипотезы о том, что когнитивно-коммуникативная деятельность субъекта письменной речи протекает с участием иной языковой системы. В этой связи особенности речи автора письменного текста *интерпретируются с точки зрения типологических закономерностей других языковых систем*, при этом учитывается ряд наиболее характерных языковых нарушений, установленных на основе анализа письменных работ инофонов, для которых первыми выступают 8 языков – французский, английский,

¹⁴ Наиболее закономерные нарушения в письменной речи инофонов связаны с реализацией типологических особенностей русского языка. Данные нарушения описаны, в частности, в работе [Катышев, Боженкова, Огорелков, Иванов 2021].

немецкий, украинский, польский, таджикский, арабский и китайский¹⁵ (см. фрагмент разбора кейса 3):

В тексте имеются два фрагмента, характеризующиеся тенденцией к лексической избыточности и аналитизму:

- (1) *Ситуация такая сложная стала наверно для вас;*
- (2) *...мне так грустно, что я вообще не могу это описать.*

Вместе с тем субъект речи демонстрирует высокий общий уровень владения синтаксическими закономерностями русского языка, точность в выборе лексики. В свете этого, вероятно, родным языком для автора является один из европейских языков, на что указывает и тематика текста (ср. ...у вас закроют Mc Donald's, 18 дней войны, где речь идет, вероятно, о специальной военной операции на Украине, тогда как автор отмечает, что его страна разорвала почтовую связь с Россией).

Среди выявленных признаков иноязычия наибольшей диагностической значимостью обладает случай необособления определительной придаточной части сложноподчиненного предложения (*Но там работали люди _ у которых семья есть*), поскольку во всех иных типах сложноподчиненных предложений не наблюдается пунктуационных ошибок. Кроме того, эта синтагма содержит инверсию, при которой сказуемое придаточной части помещается в финальную позицию в предложении, что в совокупности указывает на грамматическую и пунктуационную интерференцию немецкого языка.

Таким образом, автор предоставленного на исследование текста, *вероятно, может являться носителем немецкого языка.*

Пятый этап связан с установлением оценки уровня владения русским языком как родным / иностранным.

В случае если русский язык является для автора родным, данная процедура проводится с опорой на параметрическую модель типов речевой культуры, что нивелирует вопрос о способности автора понимать речь других носителей русского языка.

Если русский язык является для автора иностранным, оценка коммуникативной компетентности осуществляется в двух аспектах.

Во-первых, на основе соотнесения проявленных коммуникативных навыков с содержанием уровней владения русским языком как иностранным, отраженным в соответствующем государственном стандарте, специалисты способны оценить продуктивную составляющую компетенции субъекта речи (см. фрагмент разбора кейса 2):

Специалисты предполагают, что автор текста, вероятно, овладевал русским языком как неродным/иностраным преимущественно в условиях устного общения. В тексте имеются нарушения, свидетельствующие о сформированности письменного языкового навыка на уровне не выше А2, а именно следующие ошибки: в словах с безударными гласными в основе (*ДОЛЖНО – должно; типерь; ЗАБЛАКИРОВАЛИ – блокиревают; ЛИБО – ЛИБА; патом; какова небут брата; можна*); в спряжении глаголов с суффиксами *ова/ева* (*блокиревают – блокировали*); в склонении существительных

¹⁵ Параметрическая модель языковых / речевых нарушений ЯЛРКИ описана в [Катышев, Боженкова, Огорелков, Иванов 2021].

и согласуемых с ними прилагательных (предложный падеж со значением места: *в телеграмм*; родительный падеж со значением отсутствия предмета: *у меня нету номер*; согласование по роду: *открыть новый телеграм – открыт новая телеграм*).

Вместе с тем автор текста успешно использует вопросительные частицы (*СЕСТРА ЭТА ТЫ ЧТОЛИ*), частицы со значением эпистемичности (*СУБХОНАЛЛОХ ОНИ ВРОДЕ ВСЕХ ЗАБЛАКИРОВАЛИ*), вводные слова (*ЕСЛИ НЕТ МОЖЕТ ОНА НАМ СКИНЕТ НОВИЙ ОБРАЩЕНИ ИНШОАЛЛОХ*) для дифференциации своих коммуникативных намерений. Тема-рематическая структура высказываний в целом соответствует устному нормативному варианту (существенных нарушений в порядке слов не выявлено). Это дает основание предполагать, что, вероятно, уровень общей коммуникативной компетенции автора текста выше, чем его письменный языковой навык и умение строить письменную речь на русском языке.

Специалисты также обращают внимание на идентичность графического оформления религиозной лексики: *СУБХОНАЛЛОХ*; *иншоаллох* (3 словоупотребления; *ХАЛИФА* (3 словоупотребления), свидетельствующие о частотности использования в письменной речи данных единиц.

Исходя из тематики и выраженных коммуникативных намерений автора, а также учитывая требования к содержанию языковой компетенции, можно предположить, что текст создан *носителем русского языка как неродного / иностранного с уровнем владения не выше А2*.

Во-вторых, формулируется предположительный вывод о рецептивной составляющей компетенции ЯЛРКИ (т.е. способен ли автор понимать речь других носителей русского языка), где ответ коррелирует с выявленным уровнем владения. Так, зафиксированный высокий уровень (С1 и выше) не требует отдельного анализа способности автора понимать речь на русском языке. При выявлении более низкого уровня владения русским языком исследование по данному вопросу может быть проведено только при наличии текстов, отражающих диалогическое взаимодействие автора с иными коммуникантами.

Выводы

Процесс формирования ЯЛ представляет собой развитие коммуникативной компетентности субъекта речи, который через включение в многообразные вербальные интеракции в определенном социальном пространстве осуществляет дискурсопорождающую деятельность, основанную на сформированном ценностном отношении к ней. Соответственно, ЯЛ есть совокупность создаваемых ею речевых продуктов, актуализирующих специфичность поведения конкретного субъекта речи и маркирующих тем самым уровень его языковой (в широком смысле) компетентности.

Проведение автороведческой экспертизы, базирующейся на параметрических моделях типичных языковых / речевых нарушений ЯЛРКР и ЯЛРКИ, позволяет с большой долей вероятности конституировать статус ЯЛ как носителя / неносителя русского языка, а в значительном числе случаев – определять идиоэтническую принадлежность ЯЛРКИ (естественность речевого навыка ЯЛРКР исключает подобные нарушения, что подтверждает достоверность выводов автороведческого исследования в отношении национально-культурных маркеров вербального продукта).

Вместе с тем строго научное рассмотрение проблематики дифференцирующих критериев степени сформированности коммуникативной компетентности выявляет некоторые закономерности речевого поведения одной и второй группы. Так,

письменные тексты ЯЛРКР, с одной стороны, демонстрируют иерархичность типов речевой культуры носителей языка (нисходящая градация обнаруживается как в количественном увеличении «одновидовых» речевых нарушений, так и в их качественном преобразовании), с другой же – свидетельствуют об определенной «нестабильности» ЯЛРКР в аспекте ее отнесенности к конкретному типу речевой культуры: синергетическое взаимодействие множества факторов (в первую очередь, специфика современной русскоязычной коммуникативной среды) как источника развития ЯЛРКР «причудливым» образом определяет вектор развития коммуникативной компетентности субъектов речи – либо направляя ее в сторону элитарной речевой культуры, либо низводя до уровня просторечно-разговорной. Коммуникативное взаимодействие на русском языке субъектов, представляющих собой инофонов – носителей другого языка и другой культуры, убеждает, что большая часть нарушений в русской речи ЯЛРКИ связана с некорректной реализацией базовых свойств системы русского языка: на уровне фонетики – дифференциальных признаков фонем, структуры слога, закономерностей позиционных фонетических изменений; на уровне грамматики – комплекса морфологических категорий и принципов их взаимодействия внутри синтаксических структур; универсальных принципов графики, орфографии и пунктуации – таких, как правила употребления графем, отражающих йотированные гласные звуки, строчных / прописных букв и точки как основного знака препинания. Дальнейший анализ нарушений в сравнительно-типологическом аспекте позволяет установить источник интерферентного влияния путем определения языковой среды, внутри которой был сформирован первичный речевой навык, и, тем самым, конкретизировать социально-биографические характеристики автора.

© **Боженкова Н.А., Катышев П.А., Иванов П.К., 2022**

Литература

- Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 250 с.
- Бальхина Т.М.* Словарь терминов и понятий тестологии // Тестирование в обучении русскому языку как иностранному: современное состояние и перспективы. Научно-методические очерки. Терминологический словарь. М., 2003. С. 135–212.
- Богин Г.И.* Концепция языковой личности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1982. 31 с.
- Вольский Н.Н.* Лингвистическая антропология: введение в науки о человеке: курс лекций. Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2004. 235 с.
- Вятютнев М.Н.* Теория учебника русского языка как иностранного (методические основы). М.: Рус. яз., 1984. 144 с.
- Гальскова Н.Д., Гез Н.И.* Теория обучения иностранным языкам: лингводидактика и методика. Изд. 3-е, стер. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 336 с.
- Игнатьева Н.Д.* Современная русско-чешская интерференция (лексико-фразеологический аспект): дис. ... канд. филол. н. С.-Пб., 2016. 151 с.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 262 с.
- Катышев П.А., Боженкова Н.А., Огорелков И.В., Иванов П.К.* Диагностика межъязыковой интерференции в рамках автороведческого исследования // Российский журнал исследований билингвизма. 2021. № 3. С. 9–15.

Крысин Л.П. Владение языком: лингвистический и социокультурный аспекты // Язык – Культура – Этнос / С.А. Арутюнов, А.Р. Багдасаров, В.Н. Белоусов и др. М.: Наука, 1994. С. 66–78.

Маркевич Е.В. Система уровней владения русским языком как иностранным: история, структура, основные понятия // Modern Science. 2020. № 10-2. С. 382–387.

Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка / Департамент по языковой политике, Страсбург; пер. под общ. ред. К. М. Ирисхановой. М., 2003. 260 с.

Рогозная Н.Н. Типология лингвистической интерференции в русской речи иностранцев (на материале разноструктурных языков): дис. ... д. фил. н. М., 2003. 381 с.

Сковородников А.П., Копнина А.Г. Модель культурно-речевой компетенции студента высшего учебного заведения // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences Supplement. 2009. № 2. С. 5–18.

Тарасов Е.Ф. Принцип системности при анализе речевых процессов // Вопросы психолингвистики. 2021. № 2(48). С. 171–178.

Хомский Н. Язык и мышление. М.: Изд-во МГУ, 1972. 122 с.

Щирова И.А., Гурочкина А.Г. Лингвистика на междисциплинарных перекрестках: интегративные научные исследования как объективная необходимость // Вопросы психолингвистики. 2022. № 1(51). С. 48–55.

Щукин А.Н. Компетенция или компетентность: взгляд методиста на актуальную проблему лингводидактики // Русский язык за рубежом. 2008. № 5. С. 14–20.

Hymes D. On Communicative Competence // Sociolinguistics / J.B. Pride and J. Holmes (eds.). Harmondsworth: Penguin, 1972. P. 269–293.

Сведения об авторах:

Боженкова Наталья Александровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина

Контактная информация:

Москва, ул. Академика Волгина, 6

ORCID: 0000-0002-2381-5865

email: natalyach@mail.ru

Катышев Павел Алексеевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина

Контактная информация:

Москва, ул. Академика Волгина, 6

ORCID: 0000-0002-2492-6495

email: katpa@gambler.ru

Иванов Петр Константинович – ведущий эксперт, Государственное бюджетное учреждение гор. Москвы «Московский исследовательский центр»

Контактная информация:

Москва, ул. Тверская, 13

ORCID: 0000-0002-0381-7775

email: pkivanove@yahoo.com

Для цитирования:

Боженкова Н.А., Катышев П.А., Иванов П.К. Статус языковой личности: принципы и инструменты конституирования идиоэтнической принадлежности // Вопросы психолингвистики № 3(53) 2022, С. 74–88, doi: 10.30982/2077-5911-2022-53-3-74-88

UDC 81-13

LBC 81.006

DOI 10.30982/2077-5911-2022-53-3-74-88

Research article

**LINGUISTIC PERSONALITY: PRINCIPLES AND INSTRUMENTS
OF MODELING IDIOETHNICITY**

Natalya A. Bozhenkova

Pushkin State Russian Language Institute
Moscow, Russia

Pavel A. Katyshev

Pushkin State Russian Language Institute
Moscow, Russia

Petr K. Ivanov

Moscow Research Center
Moscow, Russia

Abstract

The article offers a comparative description of features which characterize the speech of native and non-native Russian speakers. The authors analyze typical mistakes considering both the degree of deviation from codified language variant and the nature of the impact of another language system. Besides, they look at the level of language skills.

The special attention is given the description of the stages of authorship study as a system way of determining of the language personality and its lingua-cultural features. By analyzing the corpus of texts written by native speakers of seven languages, the authors show a number of signs that indicate non-native Russian speaker. Data shows that looking for patterns is associated with typological features of Russian language system and at the same time is based on comparative analysis of two different language systems which are actualized in author's consciousness.

The principles of characterization of categorical nature of typical mistakes which are to be in the written speech of non-native Russian speaker and language interference allow to identify the relation between the individuality of the text and ethno-socio-cultural environment. It is proved that the regularities peculiar to unusual language competence characterize it as a structure that adopts genetical relations and synchronic differences of the languages and also reflects the process of formation of the competence in natural or educational environment.

Keywords: language personality, Russian as a native language, Russian as a foreign language, language mistake, language interference, authorship study, diagnostics.

© **Bozhenkova N.A., Katyshev P.A., Ivanov P.K., 2022**

Bionotes:

Natalya A. Bozhenkova – Professor, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Contact information:

ORCID 0000-0002-2381-5865

e-mail: natalyach@mail.ru

Pavel A. Katyshev – Professor, Pushkin State Russian Language Institute Moscow, Russia

Contact information:

ORCID 0000-0002-2492-6495

e-mail: katpa@rambler.ru

Petr K. Ivanov – Leading Expert, Moscow Research Center, Moscow, Russia

Contact information:

ORCID 0000-0002-0381-7775

e-mail: pkivanove@yahoo.com

For citation:

Bozhenkova N.A., Katyshev P.A., Ivanov P.K. (2022) Linguistic personality: principles and instruments of modeling idioethnicity. *Journal of Psycholinguistics*. 3(53) 2022, P. 74– 88. Available from doi: 10.30982/2077-5911-2022-53-3-74-88 (in Russian)